

7785-1
70
71190

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

А. Н. БАЖЕНОВА.

ТОМЪ П.

МОСКВА.

Тип. Н. А. Кагальникова, Мясницкая Златоуст. пер., д. Воейкова.

1870.

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

А. Н. БАЖЕНОВА

Томъ II

ТОМЪ II.

МОСКВА.

Типографія Косогорова, Мясницкая, Златоустинскій пер., д. Воейкова.

1869.

KG 7147

~~PNZ 720
'83~~

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

~~104837
'87.~~

ПѢСНИ АНАКРЕОНА *).

Nec, si quid olim lusit Anacreon,
Delevit aetas: spirat adhuc amor....

Horat. od. IV.

На рубежѣ 6-го и 5-го столѣтій до Р. Х. жилъ теосецъ Анакреонъ. Кому неизвѣстно это имя? Кто, произнося его, не представляетъ себѣ изящный образъ поэта-старца, — образъ, такъ граціозно рисующійся на свѣтломъ фонѣ современной ему іонійской жизни? Очень немного знаемъ мы о вѣковой почти жизни Анакреона и не изъ скудныхъ свидѣтельствъ его біографовъ сложился для потомства ясный обликъ «пѣвца тѣссаго», какъ называетъ Анакреона Державинъ. Онъ живымъ возстаетъ передъ нами въ своихъ, дошедшихъ до насъ пѣсняхъ, въ этомъ немногомъ изъ многого, имъ пропѣтаго и навсегда утраченнаго. Поэтому, желая по возможности полнѣе ознакомить русскую публику съ Анакреономъ, я предлагаю въ своемъ переводѣ всѣ съ вѣроятностью приписываемыя ему пѣсни и не хочу повторять въ подробностяхъ его біографіи, переданной не такъ давно г. Водовозовымъ (Соврем. 1857 г. № 8); тѣмъ болѣе, что ее, собственно, можно рассказать въ двухъ словахъ. Вѣчно веселый, румяный, полный утонченнаго вкуса и чувства красоты, Анакреонъ разумно наслаждался жизнію, которая прошла для него однимъ сплошнымъ свѣтлымъ днемъ, любилъ, пѣлъ, пилъ, танцевалъ и умеръ, подживившись винограднымъ сѣмьякомъ (если вѣрить Валерію Максиму, Плинію млад. и Энею Сильвію Пиколом.).

Предоставляя читателямъ судить, на сколько удивлительнѣнъ трудъ мой, не могу однако не сказать нѣсколько словъ объ его отношеніи къ другимъ, существующимъ у насъ переводамъ этого поэта.

Въ то время, какъ нѣмцы, французы и англичане (особенно нѣмцы) уже десятками считаютъ переводы пѣсенъ Анакреона, у насъ до сихъ поръ есть только одинъ полный, сдѣланный Мартыновымъ еще въ 1801

*) Пѣсни Анакреона, въ переводѣ А. Н. Важенова, были изданы въ 1861 году, отдѣльною книжкою, съ портретомъ Анакреона. Изд.

году, и тотъ уже очень давно сдѣлался библиографическою рѣдкостью и найти его въ продажѣ рѣшительно невозможно. Кромѣ того въ 1833 году Императорская Академія наукъ издала большую половину анакреоновыхъ пѣсенъ въ переводѣ Елизаветы Кульманъ, да недавно двѣнадцать одъ его перевелъ г. Мей. Но языкъ переводовъ Мартынова и Кульманъ довольно тяжелъ и для насъ устарѣлъ, хотя переводы близки къ подлиннику; а прекрасный переводъ Мея не совсѣмъ точенъ, потому что сдѣланъ рифмованными стихами и рифма часто заставляетъ переводчика жертвовать ей краткостью, а иногда даже и смысломъ оригинала. Мнѣ хотѣлось передать на Русскій языкъ пѣсни Анакреона съ возможной точностью, удержавъ оригинальный характеръ и размѣры ихъ, уяснивъ въ примѣчаніяхъ все неясное, недосказанное, выставивъ на видъ всѣ, часто неумовимыя тонкости. Вмѣстѣ съ тѣмъ я хотѣлъ пополнить и значительный пробѣлъ, постоянно являющійся у насъ при изученіи исторіи поэзіи. Составители русскихъ учебниковъ по этой части словесности обыкновенно или проходятъ Анакреона страннымъ, въ этомъ случаѣ вовсе ужъ не краснорѣчивымъ молчаніемъ (какъ, напр., г. Линниченко), или только едва называютъ его по имени (какъ г. Туловъ). А между тѣмъ болѣе близкое знакомство съ пѣснями Анакреона очень важно, во первыхъ, потому, что ими гораздо болѣе характеризуется древняя мелическая поэзія, чѣмъ даже одами Алкея, который почему-то (вѣроятно по старшинству) считается представителемъ этого рода поэзіи; во вторыхъ, потому, что Анакреонъ не совсѣмъ безучастно относится и къ нашей литературѣ. Его, мы знаемъ, переводилъ Ломоносовъ; онъ часто вдохновлялъ и заставлялъ подражать себѣ Державина и другихъ поэтовъ нашихъ, доходя до Пушкина и Майкова.

Я имѣлъ подъ руками нѣсколько изданій одъ Анакреона, пользовался указаніями многихъ комментаторовъ; особенно руководило меня изслѣдованіе Штарка: *«Quaestionum anacreonticarum»* и замѣчанія Рамлера. Такимъ образомъ я переводилъ текстъ, вполне возстановленный, и опускалъ стихи и даже цѣлыя оды, сильно попорченныя, или ложно приписываемыя Анакреону. Объ остальномъ судить не мнѣ.

Приложенный къ моему переводу портретъ Анакреона снятъ съ его портрета, находящагося при изданіи 1764 года: *«Anacreontis Teji carmina, graece e recensione Baxteri etc.»*.

Переводчикъ.

I.

Ли́ра.

Хочу воспѣть Атридовъ,
Хочу воспѣть я Кадма,
А струны барбитона
Любовь лишь воспѣваютъ.
Перемѣнилъ недавно
И струны я, и лиру
И подвиги Иракла
Хотѣлъ воспѣть; но лира
Любовь все воспѣваетъ.
Прощайте-же, геромъ,
Прощайте! Моя лира
Любовь лишь воспѣваетъ.

II.

Женщины.

Быкамъ дала природа
Рога, конямъ копыта,
Въ ногахъ проворство зайцамъ,
Львамъ пасть зубовъ огромныхъ,
Способность плавать рыбамъ,
Летать возможность птицамъ,
Въ мужей вложила мудрость.
Что-жь женщинамъ досталось?
Ихъ красотой ссудила
Природа вмѣсто всякихъ
Щитовъ и страшныхъ копій.
Краса ихъ побѣждаетъ
И пламя и желѣзо.

III.

Эротъ.

Какъ-то разъ въ глухую полночь,
Какъ Медвѣдица вращалась
Въ небѣ объ руку съ Воотомъ
И все племя говорящихъ,
Утомясь въ трудахъ, почило,
Къ моему Эротъ жилищу
Подожель и сталъ стучаться.
Кто, спросилъ я, въ дверь стучится?
Для чего мой сонъ тревожишь?
—Отвори!—Эротъ отвѣтилъ.—
Я малютка; не пугайся!
Весь промокъ и заблудился
Въ темнотѣ безлунной ночи.—
Жалко стало, какъ услышалъ;
Поскорѣй зажегъ свѣтильникъ,
Отперъ двери и увидѣлъ
Предъ собою я малютку
Съ лукомъ, съ крыльями, съ молчаномъ.
Къ очагу его поставивъ,
Грѣлъ въ рукахъ ему я руки,
Выжималъ ручьями воду
Изъ кудрей его прекрасныхъ.—
Какъ отъ холода согрѣлся,
«Стой, сказалъ мнѣ, испытаемъ
«Этотъ лукъ, а то быть можетъ
«Тетива поотсырѣла».
Натянулъ—и прямо въ печень
Угодилъ стрѣлой, какъ жаломъ.
Самъ межъ тѣмъ, смѣясь, запрыгалъ
И сказалъ: ну, поздравляю!
Лукъ мой вовсе не испорченъ;
Ты же сердцемъ страдаешь.

IV.

Бъ самому себѣ.

Здѣсь на миртахъ иякихъ, нѣжныхъ,
Здѣсь на лотосовыхъ листьяхъ
Лежа, я хочу упиться.
Подвяжи, Эротъ, одежду
Къ бѣлой шеѣ и скорѣе
Подавай съ виномъ мнѣ кубокъ!
Жизнь несется также быстро,
Какъ колеса колесницы;
Скоро кости распадутся,
Скоро буду грудой праха.
Для чего тогда гробъ мазать?
Для чего вино на землю
Лить?—Ужъ лучше ты живаго
Умасти меня, изъ розъ мнѣ
Соплети вѣнокъ, подругу
Позови ко мнѣ и прежде,
Чѣмъ виѣшаюсь въ танцы мертвыхъ,
Отъ меня возьми заботы!

V.

Р о з а.

Розу пышную Эрота
Примѣшаемъ къ Діонису
И прекраснoliстной розой
Осѣнивъ чело, давайте
Пить и весело смѣяться!
Роза—лучшій межъ цвѣтами!
Роза—даръ весны любимый!
Роза, милая безсмертнымъ!
Розой даже сынъ Киприды,
Сотанцующій Харитамъ,
Кудри пышно украшаетъ.

Вакхъ, вѣнчай меня! Увитый
Розъ гирляндами густыми,
Съ дѣвой я высокогрудой
Понесусь подъ звуки лиры
Предъ твоимъ священнымъ храмомъ.

VI.

П и р ъ.

Увѣнчавши дружно чела
Розъ душистыми вѣнками,
Пьемъ и весело смѣемся;
А подъ звуки лиры дѣва
Нѣжноногая танцуетъ,
Потрясая тирсъ красивый,
Густо плещемъ оплетенный.
Мягкокудрый, нѣжный отрокъ
Подъ пектиду распѣваетъ
И изъ устъ благоуханныхъ
Звуки стройные несутся.
И Эротъ золотокудрый
Съ винодателемъ Лиземъ,
И прекрасная Киприда
На отрадномъ пирѣ, старцамъ
Сопируя, веселятся.

VII.

Э р о т ъ.

Гіацинтовою вѣтвью
Гналъ меня Эротъ жестокий,
Заставлялъ бѣжать съ собою
Черезъ быстрые цотоки,
Черезъ лѣса и черезъ горы.
Потъ съ меня катился градомъ.

Сердце выскочить хотѣло
И упалъ я, обезсиливъ.
Тутъ чело мое крылами
Осынивъ, Эроть сказала мнѣ:
«Ты любить уже не можешь».

VIII.

Мой сонъ.

Какъ-то разъ въ глухую полночь
На коврахъ пурпурныхъ лежа,
Спалъ я, Вакхомъ опьяненный.
Мнѣ приснилось, будто бѣгомъ
Я на пыпочкахъ носился
Среди дѣвъ веселыхъ, рѣзвыхъ;
Будто мальчики, едва ли
Не красивѣе и Вакха,
Издѣвались надо мною
Изъ за юныхъ дѣвъ прекрасныхъ;
Я хотѣлъ поцѣловать ихъ,
Но со сномъ вдругъ все исчезло
И, оставленный, желалъ бы
Я заснуть скорѣе снова.

IX.

Голубка.

Любезная голубка!
Откуда ты несешься?
Откуда за собою
Ты столько благовоишь
Вливаешь въ чистый воздухъ?
Кто ты? О чемъ хлопочешь?
— Анакреонъ къ Вагилу
Послалъ меня, къ красавцу,
Который всѣхъ плѣняетъ
И властвуетъ надъ всѣми.

Пѣвцу меня за пѣсню
Еиприда подарила.
Съ тѣхъ поръ Анакреону
Я службу исправляю
И вотъ теперь, какъ видишь,
Несу его посланье.
Онъ было обѣщался
Пустить меня на волю;
Да я, хоть и отпустилъ,
Служить ему останусь.
Что пользы мнѣ носиться
Черезъ горы и долины,
Садиться на деревьяхъ,
Да ѣсть сухіе корни?
Теперь я хлѣбъ превкусный
Елю себѣ спокойно
Изъ рукъ Анакреона;
А пью вино, какое
И самъ онъ пьетъ со мною.
Напьюсь и стану прыгать,
И крыльями своими
Прикрою господина.
А если вдругъ устану,
Усну, присѣвъ на лирѣ.
Ну, все узнать. Ступай же!
Черезъ тебя я стала
Болтливѣе воронъ.

Х.

Восковой Эроть.

Эрота восковаго
Разъ юноша какой-то
Хотѣлъ продать; приблизясь,
Спросилъ его я, — сколько
Взять за него онъ хочетъ? —
Сказалъ онъ по дорійски:

Возьми, за сколько хочешь,
Да знай, что не художникъ
Я восковой фигуры,
А не могу ужиться
Съ назойливымъ Эротомъ.
— Ну, такъ отдай скорѣе,
Отдай друга за драхму!
А ты, Эротъ, мнѣ сердце
Воспламени; не то вѣдь
И самъ въ огнѣ растаешь.

XI.

Къ самому себѣ.

Мнѣ женщины сказали:
Анакреонъ! ты старъ ужъ;
Вотъ зеркало — взглянись-ка!
Волосъ ужъ не осталось
На головѣ плѣшивой.
— Есть волоса, иль нѣтъ ихъ —
Мнѣ до того нѣтъ дѣла;
Я только то лишь знаю,
Что старику прилично
Тѣмъ больше веселиться,
Чѣмъ ближе онъ къ могилѣ.

XII.

Ласточка.

Что, ласточка болтунья,
Теперь съ тобой мнѣ сдѣлать?
Ну, хочешь, — я обрѣжу
Тебѣ сейчасъ же крылья?
Или ты лучше хочешь,
Чтобъ я языкъ твой вырвалъ,

Какъ-то Терей разъ сдѣлалъ?
Зачѣмъ ты ранней пѣсней
Сонъ прервала прекрасный
И унесла Ваенлла?

XIII.

Бъ самому себѣ.

Кибелою гонимый
Женоподобный Атисъ,
Въ горахъ одинъ блуждая,
Какъ говорятъ, бѣсился;
Бѣсились тѣ, кто пили
На берегу кларосеномъ
У Феба лавроноса
Витійственную воду.
Я жъ, опьяненный Вакхомъ,
Духами умашенный,
Въ объятіяхъ подруги
Хочу, хочу бѣситься.

XIV.

Эротъ.

Хочу, хочу любить я!
Когда Эротъ любовью
Хотѣлъ занять мнѣ сердце,
Я не взялъ, не послушалъ.
Тогда сейчасъ онъ поднялъ
Лукъ съ золотымъ колчаномъ
И звалъ меня на битву.
Я, какъ Ахиллъ, взялъ латы,
Копье и щитъ тяжелый
И сталъ съ Эротомъ биться.
Онъ все стрѣлялъ, да мимо.
А какъ всѣ стрѣлы вышли,

То онъ уже съ досады
Въ стрѣлу самъ обратился
И угодилъ мнѣ въ сердце.
И вотъ я обезсиѣлъ.
Что помогли мнѣ латы?
Снаружи нѣтъ защиты, —
Внутри бой происходитъ.

ХУ.

Еъ самому себѣ.

Мнѣ дѣла нѣтъ до Гига,
Властителя Сардійцевъ;
На золото не льщусь я,
Тирановъ ненавижу.
Я бороду лишь только
Безпечно умашаю,
Да розами стараюсь
Главу свою украсить,
О нынѣшнемъ пекусь лишь,
Какъ знать, — что будетъ завтра?
И такъ, пока есть время,
Играй, пей и Ліэю
Свершай ты возліянья,
Пока болѣзнь, пришедши,
Не скажетъ: пить довольно!

ХVI.

Еъ самому себѣ.

Ты воспѣваешь Фивы,
Другой — дѣла Троянцевъ:
А я — свое паденье.
Не конницей разбить я,
Не олотомъ, не пѣхотой;
Меня мною войско
Глазами поразило.